

МЕЩАНСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СОСТАВЕ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА В 50–60-Е ГГ. XIX В. КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

В статье анализируется социальная роль мещанства в составе городского общественного самоуправления в 50–60-е гг. XIX в. в контексте историографической проблемы «городского гражданства», сформированного екатерининским законодательством конца XVIII в.

Ключевые слова: мещанство, городское гражданство, город, законодательство, социальная интеракция, историография.

По делопроизводственной документации, в наибольшей степени сосредоточенной в фонде городской думы (имеется в виду шестигласная дума), создается стойкое впечатление, что период наибольшей сословной активности мещанства в делах города приходился на 50–60-е гг. XIX века, который мы условно обозначили как «золотой век мещанства» («золотой» относительно выбранного нами периода с 1850 по 1917 гг.). Так как мещанство в делах управления в этот период тесно сотрудничало с купцами третьей гильдии, можно утверждать о сложившемся в городах социальном мещанско-купеческом пространстве, «городском гражданстве», именно в значении социального взаимодействия данных страт и создаваемого им ментального поля городской идентичности. Традиционно под «городским гражданством» в историографии понимается социальная среда города, сформированная екатерининским законодательством 1775–1785 гг. На наш взгляд, та социальная картина, которая сложилась в провинциальном городе Среднего Поволжья в 50–60-е гг. XIX века, как раз и явилась результатом «симбиоза» законодательных инициатив конца XVIII – начала XIX в. и социального творчества горожан, адаптировавших это законодательство под свою повседневную жизнь.

Жалованная грамота городам «определила юридическое положение городского сословия, корпоративные формы существования... создала сословный суд и организационные формы для правильного самоуправления (магистраты и городские думы)» [25, с. 111]. Дворянство и духовенство проигнорировали участие в органах городского самоуправления. Военным и крестьянам, проживающим в городах, запрещено было в нем участвовать. Таким образом, городское самоуправление стало самоуправлением купцов, мещан и ремесленников. Городовое положение 1870 г. «превратило сословное городское самоуправление во всесословное, в котором дворянство и профессиональная интеллигенция заняли значительное место» [25, с. 113]. Как отмечает в своем исследовании А.П. Каплуновский, «следствием городской реформы 1870 г.,

* © Кобозева З.М., 2012

Кобозева Зоя Михайловна (zoya_kobozeva@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

провозгласившей принцип сословности муниципального управления, было вытеснение мещанской общины из общегородских распорядительных и исполнительных органов» [17, с. 34–35]. Несмотря на утверждение части историков, что в первой половине XIX в. в результате того, что система городского самоуправления, дарованная городскому обществу в 1785 г., уже устарела, «городское хозяйство приходило в упадок... города практически не благоустраивались, горожане игнорировали выборы городских дум, шестигласные городские думы руководились губернской администрацией» [1, с. 4], общие городские думы в некоторых городах вообще не собирались [38, с. 34], «иными словами, “самоуправления” городского общества в полном смысле не существовало» [38, с. 34], для мещанства провинциального города период до 1870 г. как раз и был временем общественной сословной активности. После 1870 г. мещанство растворилось во всеобщем городском управлении, и старые «городские хозяева» — мещане уступили место новой «элите» — некоему «грюндерскому» предпринимательскому кругу и альтруистам из почувствовавших силу и страсть к «местным нуждам» интеллигентов (и, безусловно, получившим такую возможность). Замкнутый традиционный русский город и его социальное «чрево» в лице мещан — обывателей, прикрепленных тяглыми традициями, сознанием, видом на жительство, хозяйственной деятельностью к «месту» (NB: вся семантическая игра с понятием «местечковость»), уступил место подвижному и активному модернизированному городу и его новым хозяевам, связанным с капиталом, социальным престижем, общественной альтруистической рефлексией и рационалистическим сознанием. С этого момента мещанство устремляется в разные направления имперской жизни: в коммивояжеры, в художники, в ученые, в предприниматели, а самое главное, в поток информации, меняющий жизнь. Дискурс «мещанства», сформированный художественной традицией и общественной мыслью России, — всего лишь миф, не имеющий ничего общего с обладающей консервативными вкусами социальной средой, которая была открыта инновациям настолько же, насколько и все остальное российское общество при благоприятных обстоятельствах.

В отношении понятия «гражданство» (в составе более узкого термина «городское гражданство») мы склонны исходить из позиции в этом вопросе социолога Э. Гидденса, который отмечал, что «...семьи и ассоциации граждан могут играть важную роль при рассмотрении общественных проблем...», которые не в состоянии решить «одни лишь правительство и рынок...» [9, с. 384–385]. Гражданское общество Гидденс определяет как «сферу между государством и рынком, занимаемую семьей, общественными ассоциациями и другими неэкономическими институтами» [9, с. 388]. С точки зрения оценки «городского гражданства» как определенного социального пространства принципиальное значение для нашего исследования имеет теория П. Бурдьё, в частности, его замечание о том, что «позиция... агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, то есть в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле. Это... экономический капитал в разных его видах, культурный и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т. п. <...> Можно построить упрощенную модель социального поля в его ансамбле, вообразив для каждого агента его позицию во всех возможных пространствах игры... Социальное поле можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена исходя из многомерной системы координат... Таким образом, агенты в них распределяются в первом измерении — по общему объему капитала, которым они располагают, а во втором — по сочетаниям своих капиталов, то есть по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности» [7, с. 16]. Теории Э. Гидденса и П. Бурдьё при анализе

проблемы «городского гражданства» помогают сместить традиционный для отечественной историографии акцент с «власти» во всех ее ипостасях на «общество», то есть на «историю снизу». Однако в качестве изучения роли власти в процессе создания «городского гражданства» не обойтись без объяснительных моделей «сверху». И в этом случае заслуживает внимания теория организаций Мишеля Фуко. М. Фуко показал, что архитектура той или иной организации, в нашем случае «городского гражданства», непосредственно связана с ее социальным обликом и системой власти [40; 41]. Кроме того, следует учитывать, что при анализе проблемы «городского гражданства» мы сталкиваемся со значительным количеством «дискриминаций»: методологической (в плане оценки проблемы «сверху» и со стороны макротеорий), гендерной (в плане учета позиций гражданской инициативы со стороны мужского населения городов), академической (в плане абстрактных теоретических построений типа «классов на бумаге» и всевозможных дискуссий о гражданском обществе в России), этнической (в плане учета применительно к Среднему Поволжью только русского населения городов) и т. д. Мы не будем использовать термин «городское гражданство» как синонимичный понятию «горожане», как это делают некоторые исследователи [13, с. 68–69], вкладывающие в термин «горожане» представления о «временном союзе людей», «объединенных экономическими интересами и повинностями» [13, с. 98, 258]. Под «городским гражданством» мы будем понимать социальную систему, «внутренней средой» для которой является «система обыденной жизни, то есть повседневного взаимодействия» [33, с. 345] мещан и купцов, предстающих и «действующими лицами, и творцами истории, активно создающими и изменяющими социальную реальность» [33, с. 357]. Такой подход делает проблему «городского гражданства» достаточно сложной системой, синтезирующей все виды социальной реальности. Мещанин в пространстве «городского гражданства» 50–60-х гг. XIX века будет рассматриваться не только с позиций его социального поведения, группового менталитета, но и как индивидуальность со свойственной только ей мотивацией, обусловленной в то же время культурой времени и предшествующего опыта. И «если когда-то Февр сетовал: «Подумать только — у нас нет истории Любви! Нет истории Смерти. Нет ни истории Жалости, ни истории Жестокости. Нет истории Радости» [39, с. 123], то в рамках социальной жизни мещан в городе в качестве граждан этого города и этой страны должны присутствовать элементы эмоционального переживания ими своего статуса и своей жизни. Все это можно представить «как простую или сложную связь элементов разных систем социальной реальности и тем самым “связать историю обоняния с историей политики”» [33, с. 373]. Кроме того, нам кажется важным определить свою позицию в отношении цивилизационного прочтения темы города. Один из распространенных взглядов в историографии, противопоставляющий Россию как «страну деревенскую, крестьянскую» и западные страны — «городские, промышленные» [31, с. 5], нам кажется вполне обоснованным с одним уточнением: помимо дворянской культуры к миру европейскому был ближе именно город, «городские обыватели» уже в конце XVIII в. «обладали специфическим менталитетом, имели свою субкультуру, что отражалось в их внешнем облике», и к моменту издания Жалованной грамоты у них уже «сформировалось сословное самосознание» [25, с. 112]. Говоря словами К. Руан, горожане в России к концу XVIII в. в определенной степени уже приняли так называемый европейский *messages* [30], несмотря на то, что элементы русского традиционного быта и костюма сохранялись в городской среде вплоть до начала XX века. Именно открытость и маргинальность города позволили ему двигаться в европейском направлении. Придерживаясь схемы «десинхронизации синхронии» в рамках темпорально-монистических концепций «всемирной истории», ориентированных на европоцентризм, мы считаем особенно важной проблему «го-

родского гражданства» как часть наиболее общего вопроса о переходе российского общества от доиндустриальной стадии развития (аграрной, традиционной) к индустриальной (модернизированное общество) [34, с. 261–265]. Историческая урбанистика в XX в. стала «излюбленным местом приложения сил сторонников междисциплинарного подхода и... самым удачным “детищем” междисциплинарного взаимодействия истории, социологии и экономики. Город как целое, представляющий собой идеальный объект для комплексного междисциплинарного исследования... превратился из сценической площадки, места социально-исторического действия в специальный предмет изучения именно в интеллектуальном контексте “новой городской истории”» [28, с. 23]. Какую бы методологическую позицию ни исповедовал исследователь при анализе города, взгляды на город могут мирно сосуществовать при условии, если «трехчленному средневековому делению и биполярному классовому подходу» противопоставить «более сложную картину социальных структур, промежуточных слоев и страт, позволяющую тоньше нюансировать характер социальных противоречий, политики государства, роли религии и церкви, различных форм идеологии» [28, с. 27].

Та социальная реальность, которая сложилась вокруг мещанства провинциального города в 50–60-е гг. XIX в., своими корнями уходит в законодательство конца XVIII в. и в историографическую проблему «городского гражданства». На сегодняшний день накоплен значительный пласт исторической литературы, посвященный законодательному оформлению городских сословий в эпоху Екатерины II и их дальнейшей эволюции на протяжении первой половины XIX века. Большинство исследователей, как дореволюционных (И.И. Дитятин [11]), так и современных (Н.А. Иванова, В.П. Желтова [15]), видят в законотворчестве Екатерины II в отношении «среднего рода людей» «стремление следовать западным образцам» [15, с. 361]. Но, по их мнению, если на Западе за городами были закреплены «значительные привилегии, самостоятельность в области суда... право на самоуправление» и освобождение от многих налогов, то «ничего подобного не было в русских городах» [15, с. 361], а учреждение мещанского сословия было свидетельством искусственного характера сословности в России [11. Т. 1, с. 418]. В отношении проводимых аналогий с социальным развитием Западной Европы нам все же видится более верной позиция Б.Н. Миронова, который говорит не об искусственности сословной модели, а о темпоральных характеристиках как сословной парадигмы, так и модернизации в России, в частности, он пишет, что «городское сословие в России существовало весьма непродолжительное, сравнительно с западноевропейскими странами время – менее столетия» [25, с. 113], чем и объясняется его отличие от европейских аналогов.

Изданная Екатериной II 21 апреля 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», которая, по мнению Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, дала официальную структуру городского населения, сохранявшуюся «в основе своей на протяжении всего XIX – начала XX в.» [15, с. 363], в сочетании с Законом о состояниях 1832 г. породила дискуссию в историографии о «городском гражданстве». Часть исследователей считают, что «Грамота положила основание для нового понятия о городе как единой местной сословной общине, представляющей все городское население» [11; 18; 20]. Другие полагают, что Грамотой городам утверждалось сословное начало для городских жителей [10, с. 115, 300–301]. По мнению Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, «объединение всех городских обывателей в особую категорию населения обуславливалось... не стремлением Екатерины II создать сословное общество, а необходимостью обозначить... городских жителей, которые в силу владения недвижимостью обязаны были платить городские налоги и нести повинности» [15, с. 366]. Б.Н. Миронов пишет: «Городовое Положение имело целью заменить сослов-

ную городскую общину общесословным обществом всего городского населения. Оно рассматривало весь город, все население, проживающее в нем, как юридическое лицо, как самоуправляющееся общество, имеющее свои, особые от государственных интересы и нужды. Именно с этого времени возникли понятия «общество градское» и «гражданское общество» для обозначения общегородской общины» [25, с. 495].

Надо отметить, что в рамках данного исследования нас меньше всего интересуют замыслы и мотивация власти. Нас интересует конечный результат законотворчества как некая легитимная модель, спущенная населению «сверху». И тут, как нам представляется, получилась некая смесь из устремлений власти и их адаптации «снизу»: в городах сложилось мещанское общество с тяглым осознанием своей фискальной роли, но в том числе и с самоидентификацией в качестве «хозяев» своего локального пространства, за которое они несут ответственность.

Н.А. Иванова и В.П. Желтова, следуя логике формационного подхода, связанного с выявлением основных этапов генезиса капитализма в истории русского города нового времени, считают, что «сохранение тяглого характера посадской общины, которая со временем превратилась в мещанское общество, прежде всего свидетельствовало о значительной однородности городских жителей. Но эта однородность, как и представление городских обывателей Жалованной грамотой городам в виде мещанства, была... не результатом складывания среднего сословия, а свидетельством слабой размежеванности торгово-промышленного населения российского города. В усилении этого размежевания и заключалось основное направление дальнейшего социального развития города» [15, с. 369]. Нам же видится дальнейшее размежевание русского города не столько по социально-экономическому признаку, сколько по культурному. Причем эта культурная стратификация не совпадала с сословной. В этом отношении кажется интересным утверждение Н.А. Хренова и К.Б. Соколова о том, что «принадлежность индивида к сословию есть следствие институционализации уровней поведения индивида, значимых и полезных для государства или, иначе говоря, носящих утилитарный характер. Однако все поведение людей свести к ним невозможно. Как следует из символического интеракционизма, помимо своей сословной характеристики индивид включается в разнообразные сети человеческих взаимодействий. Последние не обязательно являются институционализированными, то есть имеют для общества значение. Но не являясь столь значимыми, такие проявления жизни индивида могут иметь важный смысл для возникновения и функционирования необходимых культурных и этических норм» [42, с. 10]. Если встать на точку зрения данных исследователей в том, что «образование субкультур может предшествовать образованию сословий» [42, с. 18], то получается, что до екатерининского законодательства существовала особая городская субкультура [25, с. 113], которая и позволила так долго функционировать так называемому «городскому гражданству», на протяжении всей первой половины XIX века. Эта субкультура обладала определенной картиной мира, связанной с некой фронтальной психологией: между традиционным миром и миром рациональным. Профессионализация и маргинализация второй половины XIX века постепенно видоизменяют этот городской субстрат. Из профессионализации вытекает специфическая культурная городская среда, сделавшая сословность фактором социального престижа, а не основанием тяглого сознания. Но во второй половине XIX — начале XX в. поменялось и законодательство в отношении правового статуса мещанства. Таким образом, если законодательное оформление городского общества во время правления Екатерины II, как справедливо отмечают в своем исследовании Н.А. Иванова и В.П. Желтова, не только имело итогом создание «в городах из торгово-промышленного населения единой категории “среднего рода людей” и одновременно ее разделение на привилегированные... податные сословия и группы» [15,

с. 401], но и создало определенное пространство отношений, позволяющее говорить о «городском гражданстве», то законодательство первой трети XIX в. окончательно сформировало мещанина как «носителя общественных отношений» [7]. Как справедливо подчеркивает в своем исследовании Б.Н. Миронов, собрание городского общества к середине XIX в. «не стало ни общесословным, ни собранием всей городской элиты», «дворянство, разночинцы и интеллигенция не участвовали в нем, считая это ниже своего достоинства, а крестьянство, составлявшее около трети постоянного городского населения, и военные были лишены избирательных прав. Имущественный ценз для участия в общегородских собраниях был настолько высоким, что во многих городах находились единицы или вовсе отсутствовали люди, которые бы ему соответствовали. Городские думы... были вынуждены допускать на собрания лиц по своему усмотрению, часто всех желающих... в результате думы превратились в органы только городского сословия. Во-вторых, купцов первых двух гильдий, которые соответствовали цензу, в большинстве городов было очень мало, поэтому... было разрешено при недостатке купечества избирать на все общественные должности мещан и ремесленников, а купцам отказываться от второстепенных должностей» [25, с. 495–496].

Важной проблемой в понимании места мещанства в городском обществе 50–60-х гг. XIX в. является выявление дискурсивной природы понятия «городское гражданство». Спектр оценок варьируется от социальной утопии эпохи Просвещения до дискурса власти, формирующего общественные отношения, спущенного сверху и приучающего через «надзор и наказание» к определенным поведенческим практикам. Где-то посередине находится теория символического интеракционизма, вооружившись которой можно предположить, что «городское гражданство» — естественное состояние людей, обладающих самосознанием, то есть знающих о своей индивидуальности и взаимодействующих символами в контексте повседневной жизни. Анализ проблемы «городского гражданства» в советской историографии был тесно связан с проблемой генезиса капитализма. П.Г. Рындзюнский писал, что «для марксистски мыслящего историка развитие городов — неперемный спутник движения вперед, от феодализма к капитализму» [31, с. 10]. Следовательно, все утверждения дореволюционной историографии о российских городах как «насильственной случайности» и «административных учреждениях власти» [31, с. 6] воспринимались как несостоятельные. Исторический прогресс связывался советской историографией с отмиранием сословий и превращением их в классы буржуазного общества. Основное содержание горообразование, по мысли Рындзюнского, состояло «в создании и распространении специфического уклада жизни, отличного от распространенного в сельских местностях феодального режима и более благоприятного для торгово-промышленной деятельности» [32, с. 105]. В отношении общественных учреждений города и городского хозяйства в 30–50-е гг. XIX в. Рындзюнский отмечал: «документальные материалы вполне подтверждают свидетельства наших писателей-реалистов о крайней отсталости общественной и административной жизни русского города» [32, с. 105–109]. И на современном этапе развития отечественной исторической мысли по-прежнему идет апелляция к теоретическому наследию марксистско-ленинской методологии: в предисловии к «Историческим очеркам» А.А. Кизеветтера Е. Александров пишет: «...с позиций более поздней методологии исторической науки магистерская диссертация Кизеветтера имела ряд существенных изъянов. Так, по справедливому замечанию А.Л. Шапиро, автор игнорировал классовую и социально-экономическую детерминанту в развитии законодательного и политического процесса, связывая, к примеру, городскую реформу Петра I и Магистратский регламент исключительно со стремлением царя “двинуть городскую жизнь на новые пути по западноевропейским образцам”» [19, с. 9].

При анализе проблемы «городского гражданства» нельзя не остановиться на ставшем уже хрестоматийном исследовании Н.П. Ерошкина по истории государственных учреждений дореволюционной России [12]. Характеризуя состояние городского самоуправления, сложившееся после реформ 1775–1785 гг. он писал: «В целом органы городского “самоуправления” играли роль административно-хозяйственного придатка к аппарату администрации и полиции» [12, с. 129]. Как отмечает в своем исследовании русского дореформенного города А.И. Куприянов, «такая оценка известным историком социального строя и государственного управления Российской империи опиралась не только на собственные исследовательские выводы Н.П. Ерошкина, но и имела самое широкое распространение в дореволюционной и советской историографии» [22, с. 271]. По мнению же Куприянова, реалиям провинциальной жизни в большей степени соответствует гипотеза Б.Н. Миронова о том, что «власть в городе была поделена между чиновниками и выборной верхушкой городского самоуправления» [22, с. 272].

А.И. Куприянов в своем осмыслении городского пространства дореформенной России наиболее близок нам в стремлении взглянуть на проблему «снизу», со стороны провинциальных агентов города. Что касается системы городского самоуправления, которая складывается после 1775–1785 гг., Куприянов отмечает, что она «в значительной степени выражала интересы городских сословий» и «...просуществовала до городской реформы 1870 г.», которая «принципиально изменила всю систему городского самоуправления, сменив сословный принцип представительства на имущественный ценз» [22, с. 273]. Говоря о творчестве горожан «снизу» по корректировке законодательства, Куприянов в этом отношении отмечает факт слияния общей и шестигласной дум, которое «произошло почти повсеместно и было реакцией горожан на чрезмерную усложненность представительских органов и оторванность столичных чиновников, готовивших реформу, от социальных реалий российской провинции» [22, с. 277]. Тезис автора о наличии «социально активных граждан» в городском самоуправлении провинциального города подтверждает наш общий вывод о «золотом веке мещанства». В пользу данной концепции говорит и вывод Куприянова, высказанный и рядом других исследователей, о том, что общесословное управление в городах, сформулированное законодательством, превратилось в управление собственно городских сословий: купцов, мещан и цеховых, так как «чиновники и дворяне самоустраивались и были вытеснены гражданами от всякого участия в решении городских дел» [22, с. 282]. Размышляя над причинами самоустранения «благородной» публики, Куприянов называет их несколько: во-первых, со ссылкой на точку зрения В.В. Рабцевич [27, с. 143], чиновники, духовенство и дворяне «имели другие возможности воздействовать на городские дела»; во-вторых, их мало интересовали именно те дела, которые решались на общественных собраниях и, в-третьих, мещане и купечество неприязненно относились к «благородным», считая, что «управление делами города — это сфера гражданства, а у дворян есть свое самоуправление» [22, с. 283]. И кроме того, по мнению Куприянова, свою роль «в самоустранении дворян и чиновников от участия в городских делах сыграл социальный и культурный снобизм» [22, с. 283].

Особое место в историографии проблемы «городского гражданства» занимают монография и статьи Н.В. Середы [36; 37]. Н.В. Середа сосредоточивает свое исследовательское внимание на конкретном регионе, Тверской губернии, и на таких органах власти, как городские магистраты, уничтоженные в ходе реформы 1864 года. В рамках интересующей нас темы Н.В. Середа рассматривает вопрос функционирования общества купцов и мещан в системе управления и их выборных органов. Истоки понятийной путаницы, возникающей при анализе феномена «городского граждан-

ства», по мнению Н.В. Середы, заключаются в том, что в историографии отсутствуют исследования, «которые представляли бы систему выборных органов управления городами в конце XVIII в., выявили комплекс ее элементов и принципы взаимоотношений между ними» [37, с. 325]. В статье «Граждане российских городов. Последняя четверть XVIII в.» Н.В. Середа продолжает анализировать основные термины, связанные с проблемой «городского гражданства»: «посадские», «мещане», «городовые обыватели», «граждане», «городское общество» [36, с. 165–172]. Автор приходит к выводу, что «Жалованная грамота городам создала в России особую категорию людей — “мещанство”... одновременно закрепила существование в России территориальных образований — городских гражданских обществ, которые ведут свою историю от Петра I. С момента издания Жалованной грамоты городам они становились территориальными объединениями мещан. В основе принадлежности к городскому обществу... являлось положение в оклад по данному городу» [36, с. 172].

К проблеме «городского гражданства», оформленного екатерининским законодательством, обращается и Л.В. Кошман в своей монографии «Город и городская жизнь в России XIX столетия». Она пишет о том, что город нового времени был в значительной степени определен Жалованной грамотой 1785 г., как определен был и состав городского общества, «в которое входили те, кто участвовал “в торге, ремесле или промысле”... Принцип владения собственностью в городе, когда недвижимость принадлежала не отдельным гражданам, а городу в лице его властей, имел сходство с общинной собственностью в деревне. Таким образом, в городе нового времени при его возникновении отсутствовал буржуазный принцип собственности, основанный на индивидуальном владении» [21, с. 44–45].

Безусловно, нельзя при анализе историографии, посвященной проблеме «городского гражданства», не остановиться особо на точке зрения В.А. Нардовой, сформулированной в работе «Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика» [26]. В.А. Нардова, так же как и значительная часть исследователей русского города, отмечает, что «основным законодательным документом, регулировавшим устройство городского общественного управления, вплоть до начала 70-х годов прошлого (XIX в. — З. К.) продолжала считаться “Жалованная грамота” городам Екатерины II (1785 г.). Некоторые ее положения были фактически сведены на нет последующими законодательными актами, но при этом формально так и оставались неотмененными, иные были перечеркнуты самой жизнью. Все законодательство в целом, весьма запутанное и неопределенное, давно перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и их значению в жизни страны...» [26, с. 11]. По мнению Нардовой, тот факт, что распорядительные функции должно было осуществлять «городское общество» в целом, свидетельствует о неразвитости городской общественной организации, особенно учитывая то, что «европейский муниципальный строй в то время базировался уже на основе представительства» [26, с. 13]. Далее все рассуждения автора строятся, исходя из принятого в советской историографии тезиса о неэффективности городского общественного управления в дореформенной России, а именно: что касается шестигласной думы, то «вместо шести человек от шести сословий, гласные были представлены... только сословиями купцов и мещан... число гласных в большинстве случаев ограничивалось двумя-тремя, иногда же превышало количество, установленное законом», «...за весьма редким исключением исполнительные функции городского общественного управления вообще находились в руках чиновников канцелярии, поскольку купцы, избранные в думы, не были подготовлены к такой деятельности, а подчас не обладали элементарной грамотностью», «городские думы были практически безвластны, не имели права самостоятельно решать самые мелкие хозяйственные вопросы. Причем в силу

доведенной до абсурда централизации решение чуть ли не каждого вопроса требовало санкции министерства внутренних дел. Служба на городских выборных должностях была не престижна и вместе с тем крайне обременительна. «Полноправные» горожане стремились избежать ее, изыскивая для этого всевозможные средства» [26, с. 13–14]. В принципе, Нардова права в своих оценках городского самоуправления, но с одним уточнением: ситуация рассматривается как «сверху», так и со стороны абстрактных категорий «исторического прогресса». Городское сообщество создало свои социальные связи, интеракции, функционировало и решало вопросы своей социальной повседневности. Городское сообщество еще и иллюстрировало собой общественный быт городских слоев, включающий в себя «систему социальных взаимоотношений... быт-чай, культурные, этические и моральные традиции, особенности управления, общественную активность людей...» [23, с. 5–6].

В завершении анализа историографии в отношении проблемы «городского гражданства» хотелось бы остановиться на региональных исследованиях, посвященных уже непосредственно Среднему Поволжью. Исследователь городского населения Среднего Поволжья А.Н. Зорин, отмечает, что «общие думы» в первой половине XIX в. «потеряли всякое значение и, может быть, вообще не существовали» [14, с. 144]. Что касается шестигласной думы, то, как утверждает исследователь, она «сделалась неузнаваемой по сравнению со своим прототипом», а единого «градского общества» вообще не существовало [14, с. 144]. А.И. Зорин достаточно эмоционально замечает, что «людей, озабоченных тем, как добыть пропитание, государство заставляло тратить драгоценное время на службу в выборных учреждениях» [14, с. 145] и добавляет: «Темнота и невежество гласных — общее место в отчетах ревизоров» [14, с. 145]. Что касается оценки городских выборных учреждений как «классовых органов “буржуазии”», по мнению Зорина, она «просто некомпетентна». В целом у исследователя преобладает негативный взгляд на деятельность дум: «делопроизводство в думах велось медленно, часто неправильно. Инструкции и циркуляры сплошь и рядом в срок не выполнялись. Элементарные дела тянулись годами» [14, с. 146], «думы и ратуши были очень несамостоятельны в своих действиях. Теоретически на каждый свой шаг они должны были испрашивать разрешение губернского правления, а то и высочайшее» [14, с. 147], «сметы думами составлялись небрежно и бестолково. Общественные суммы тратились на поздравления чиновников, на кормление их обедами... и т.п. ...В росписи вносились расходы на уплату жалования по должностям, которых не было» [14, с. 147]. В целом рисуется картина практически горьковского дискурса в описании провинциальной действительности.

В коллективной монографии по истории Самарского Поволжья [16] проблеме «градского общества» посвящен раздел «Органы управления и города» в последней четверти XVIII — начале XIX века. Казалось бы, небольшая констатация о доме городского самоуправления («Дом учреждений городского самоуправления был деревянным и стоял на посаде вне крепости» [16, с. 171]) позволяет семантически представить проблему «городского гражданства» провинциальной России как некий Дом — «одновременно форма, образ и концепция созданного человеком культурного пространства» [16, с. 41], то есть проблема гражданства как дома оказывается гораздо шире своего архитектурного аспекта. Дихотомия крестьянско-дворянского социального пространства и акцент на демократические традиции общественной мысли России, свойственные отечественной историографии конца советского периода, привели к тому, что в разделе «Новая губерния и ее администрация» мещанско-купеческому «градскому обществу» вообще не уделяется внимания. Однако это в определенной степени компенсируется интересным наблюдением, которое обусловило специфику взаимоотношений самарской власти и общества в 50–60-е гг. XIX в. и позволя-

ет взглянуть на проблему социальных интеракций под другим углом: «Самарский край в 50-х гг. отличался особенно счастливым составом администрации, какого... не было ни в одной из губерний России. Тон управлению давала самарская удельная контора, в которой с управляющего до последнего чиновника, все отличались какой-то легендарной, идеальной добросовестностью... В Самаре служила казанская молодежь, были и из Харьковского университета, были и из Петербургского... Все это были “новые люди”... Для Самары это был медовый месяц гражданственности» [16, с. 250]. Кроме того, типичные негативные коннотации, связанные с противопоставлением «старого – рутинно-чиновного, сонно-мещанского» мира и «нового – ...с растущим словно на дрожжах купеческим слоем» [16, с. 253], которым, по мнению авторов, отличалась Самара, заставляют посмотреть на проблему «городского гражданства» через призму «“конкурентных общностей”, каждая из которых могла задавать индивиду свою программу поведения» [28, с. 260], в том числе и в процессе социального обживания пространства города, а историографические дискурсивные практики в этом вопросе дают выход в исследовательское поле интеллектуальной истории.

В двух исследованиях самарских авторов, посвященных социокультурному пространству городов Среднего Поволжья в XIX веке [6; 29], понятие «культура политического: представления о власти и практики самоуправления» [24, с. 179–299] не рассматривается в контексте проблемы «социокультурного пространства», под которым авторами понимается «совокупность социальных, бытовых, культурных условий повседневной жизни населения» [6, с. 3], а также «комплекс материальных и духовных ценностей, норм, традиций, особенностей организации жизни во всем ее многообразии, которые вырабатываются социумом на данной территории и... влияют на его развитие» [29, с. 3]. Тем не менее Ю.А. Рогач отмечает «заметную общественную активность» городских обывателей в решении вопросов повседневной жизни, связанных с «организацией управления городами, устранением нарушений в работе органов сословных обществ, отдельных должностных лиц» [29, с. 8]. Нам видится существенным упущением современной региональной историографии игнорирование вопросов, связанных с социокультурными представлениями провинциальных горожан «о государственной власти и самоуправлении, о городском социуме и сословном строе» [24, с. 5]. Исследование проблемы «городского гражданства» Среднего Поволжья 50–60-х гг. XIX в. позволяет увидеть, как провинция принимала «культурные формы и образцы, транслируемые имперским центром» [24, с. 4], тем более учитывая тот факт, что это происходило в сложных условиях, так как «в провинции одновременно бытовали различные синхронные и диахронные пласты традиционной и модернизированной культуры» [24, с. 4], «в городах ситуация осложнялась наличием среди русского населения двух конфессий: прихожан официальной церкви и старообрядцев» [24, с. 5], а также этническим и социальным полифонизмом поволжских городов. Перспективность данной темы нам видится не в «ренессансе» политической истории, а, как писал Ю.Л. Бессмертный, в анализе социокультурных представлений о власти, отмечая такие их особенности, как «своеобразие восприятия отдельными индивидами или группами тех или иных властных институтов, оценка этих институтов в сознании отдельных субъектов и групп (включая “политические мифы”, присутствие массовому сознанию); престиж власти как выражение меры согласия современников на подчинение ей; признанные теми или иными современниками и самой властью средства и формы обеспечения ее престижа; принятые (и непринятые) формы взаимоотношений между властью и разными группами подвластного населения» [5, с. 16].

В диссертационном исследовании Б.С. Аккуратова изучается феномен мещанства в российской общественно-политической мысли и политической теории [2]. В работе

в том числе анализируются хозяйственные практики мещанства Казанской губернии, его место в социально-сословной иерархии российского общества и социально-политических процессах начала XX в. [2, с. 14]. Рассматривая взаимоотношения мещанства с властью (государством), автор приходит к выводу о том, что некий «усредненный» мещанин представлял собой «подданного, лишённого важнейших характеристик гражданственности, подавленного патерналистской заботой всемогущего государства, но во многом именно на эту заботу и рассчитывающего, так и не ставшего представителем “среднего слоя” в понимании западной социологии» [2, с. 17]. Корни такого «диагноза» «антропогенеза» мещанина, на наш взгляд, скрываются в недостаточном выявлении степени социальной активности этого сословия в поволжских городах в середине XIX в., что обуславливается недооценкой роли индивида, входящего в общность, его отношения к социальным ролям, диктуемым властью и видоизменяемым социумом, то есть необходимо в рамках проблемы «конфигурации власти» в провинциальном городе сместить акцент с «исследования объективных структур и процессов к культуре в ее антропологической интерпретации, то есть к реальному содержанию обыденного сознания людей прошлых эпох, к отличающимся массовым характером и большой устойчивостью ментальным представлениям, символическим системам, обычаям и ценностям, к психологическим установкам, стереотипам восприятия и моделям поведения» [28, с. 28].

В коллективной монографии «Самарские купцы: вехи истории» [35] в главе, посвященной сословному самоуправлению самарского купечества, отмечается, что «до 1870 г. роль сословного купеческого управления выполняла городская дума» [35, с. 59]. Авторы ограничиваются констатацией функций городской думы, связанных с купеческими делами. В другом региональном исследовании по истории самарского купечества, носящем характер историко-биографического очерка династии Плотниковых-Шерстневых, в части, посвященной «градскому главе» Ф.С. Плотникову, описывается деятельность самарской городской думы в составе «градского общества» [4, с. 15–17]. Интересно, что латентно, описанием выборов в думу с акцентом на сакральности мероприятия, в некоторой степени иллюстрируется вывод А.И. Куприянова о том, что «городские выборы рассматривались законодателем как один из важнейших актов коммуникации царской власти и градского общества. Поэтому имперская власть позаботилась о том, чтобы придать выборам характер дела государственной важности и официального торжества. Перед баллотировкой все участвовавшие в ней горожане обязаны были... побывать в церкви на молебне, присягнуть на беспристрастность своего выбора» [24, с. 220]. Аналогичное описание процедуры выборов находим у самарских авторов: «Горожане, имеющие право участвовать в выборах, пребывали в Городскую Думу в 8 часов утра и, вместе с Городским Головою, отправлялись в Соборную церковь. Там служили для них Божественную литургию и молебен Христу Спасителю, а затем они, всем обществом, приводились к присяге, давая... “Клятвенное обещание”» [4, с. 16]. Как нам видится, в религиозном характере процедуры выборов в местную власть проявляется не столько роль государства в навязывании ценностей и текстов поведения, сколько столь свойственное русскому народу сакральное отношение к серьезному делу, под которым подразумевалось участие в городском самоуправлении, и традиции подобного проведения любых процедур, связанных с государственными институтами.

Таким образом, проблема «городского гражданства» обращает нас к вопросу, сформулированному Э. Гидденсом: «Кому принадлежит город?» [9, с. 496]. Сам социолог отвечал на него: «...города мира являются как домом для огромной концентрации власти и богатства, так и пристанищем для терпящих неслыханные затруднения и лишения» [9, с. 496]. Несмотря на «приоритетность административной функции рус-

ского города», являвшегося в первую очередь «центром власти» [21, с. 177], город сам устанавливал социальные связи и отношения: «Большой город – это “мир незнакомцев”, однако он поддерживает и создает новые взаимоотношения» [9, с. 501]. В городах пересекаются пути различных групп населения. Они выстраивают свои социальные связи, помимо запланированных властью. По мере модернизации русского города в пореформенную эпоху горожанин становился более мобилен, связь внутри городского сообщества ослабевала, «темп жизни» возрастал, «конкуренция начинала доминировать над взаимодействием», повседневные контакты обезличивались. В урбанистическом пространстве «множество людей живет в непосредственной близости друг от друга, не будучи лично знакомым практически ни с кем из окружающих» [9, с. 501]. Однако в городе провинциальном в 50–60-е гг. XIX в. еще весьма сильны традиционные для сельской местности соседские отношения. Если исходить из понятия «среднего класса» как «ядра общества», «нивелирующего социальные крайности и поэтому создающего стабильность» [21, с. 28], можно предположить, что купеческо-мещанское общество городов 50–60-х гг. XIX в. как раз и представляло собой такой «средний класс». По мнению Э. Виртшафтер, «русское “среднее сословие” содержало все культурные и социально-экономические компоненты европейских средних классов, но оно не имело институциональных структур, необходимых для того, чтобы преодолеть социальные отличия и фрагментацию» [8, с. 194] И далее, как нам кажется, следует самое главное объяснение общей историографической «потери» «среднего класса» в России, или «потерянной буржуазии» [8, с. 202]: «“Потерянная буржуазия” в России не была потеряна в результате непроницаемых социальных барьеров, отсутствия экономического развития и образования или жестоких политических репрессий. Она была потеряна потому, что русские историки все еще не способны освободиться от западноевропейских определений средних классов, – определений, которые сформулированы в терминах социально-экономического статуса, политического либерализма, всеобщего образования и профессионализации. Если применить иные критерии и ограничить русские средние классы понятием самоопределения, особенно понятиями “независимого” или спонтанного создания идентичностей или общественного положения, исходя из... социальной роли, тогда можно увидеть, что русские средние классы постоянно сохраняли свое присутствие на исторической арене...» [8, с. 202]. Возвращаясь к вопросу о том, кому принадлежал город, ответим: город принадлежал всем тем, кто участвовал в его внутреннем социальном взаимодействии.

Библиографический список:

1. Артамонова Л.М. Административные и полицейские органы Самары в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 1996. № 4.
2. Аккуратов Б.С. Феномен мещанства в российской общественно-политической мысли и политической теории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.
3. Баак ван Й. Дом и мир // Антропология культуры. М., 2005. Вып. 3.
4. История самарского купечества. Династия Плотниковых-Шерстневых. XIX – начало XX в.: исторический очерк // В.С. Баранов [и др.]. Самара. 2012.
5. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. М., 1995.
6. Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.
7. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005.

8. Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
9. Гидденс Э. Социология. М., 2005.
10. Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910.
11. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1; Ярославль, 1877. Т. 2.
12. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
13. Зайцева Е.А. Развитие гражданских отношений городских сословий в 30–50-е годы XIX века (по материалам Москвы и Московской губернии): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
14. Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в.: историко-этнографический очерк. Казань, 1992.
15. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. М., 2009.
16. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
17. Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (этно-историческое исследование): дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
18. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. М., 1909.
19. Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 2006.
20. Кизеветтер А.А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1905.
21. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008.
22. Куприянов А.И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования: дис. ... док. ист. наук. М., 2007.
23. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века. Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.
24. Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007.
25. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1.
26. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л., 1984.
27. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск. 1984.
28. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.
29. Рогач Ю.А. Социокультурное пространство городов Самаро-Саратовского Поволжья в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.
30. Руан К. Новое платье империи: история российской модной индустрии 1700–1917. М., 2011.
31. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
32. Рындзюнский П.Г. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. Вып. 1. М., 1976.
33. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.
34. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 2. Образы прошлого. СПб., 2006.
35. Самарские купцы: вехи истории. Самара, 2006.

36. Серeda Н.В. Граждане российских городов. Последняя четверть XVIII в. // Право: история, теория, практика. Брянск: Государственный педагогический университет, 1999. Вып. 3.
37. Серeda Н.В. Реформа управления Екатерины II: источниковедческое исследование. М., 2004.
38. Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX в. Самара, 2007.
39. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
40. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
41. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
42. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001.

*Z.M. Kobozeva**

**MESHCHANSTVO OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE STRUCTURE
OF MUNICIPAL SOCIETY OF THE 50–60-S IN THE XIX CENTURY
AS A HISTORIOGRAPHIC PROBLEM**

The article deals with the social role of meshchanstvo (lower middle class) in the structure of municipal social self-government in the 50–60-s of the XIX century in the context of historiographic problem of «municipal citizenship» formed by Catherine's legislation at the end of the XIX century.

Key words: meshchanstvo (lower middle class), municipal citizenship, legislation, social interaction, historiography.

* *Kobozeva Zoya Mihailovna* (zoya.kobozeva@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.